

Экран и сцена -
2001 - окт. (№ 33-34) -
- 4/6

Олег ШЕЙНЦИС:

«С НИМ БЫЛО ХОРОШО»

Евгению Павловичу Леонову в этом году исполнилось бы 75. Это "бы" не может не откликаться болью и горечью в сердцах всех тех, кто его любил и любит. Ленкомовцы сыграли в память об Артисте "Шута Балакирева". В этом номере "ЭС" о Леонове вспоминает главный художник театра Олег Шейнцис.

Задумывая сценическое решение спектакля, вы думаете о том, кто впоследствии будет его обживать?

— В лучших случаях происходит "булгаковская" история: есть черная коробочка, там уже спектакль, там уже бегают люди и ты на это просто смотришь. Естественно, если видишь людей, значит, ты их знаешь. Декорации появляются потом, они могут быть очень абстрактными, но сначала возникает какой-то реальный, теплый, человеческий мирок. Только потом он оформляется в сложные театральные идеи. Если есть люди, способные породить этот мирок, — они автоматически возникают в подсознании, в миражах, как угодно. Что касается Евгения Павловича Леонова — я делал не все спектакли, где он был занят. Но если я знал, что будет играть Евгений Павлович, то он у меня уже там ходил. В ситуации с "Поминальной молитвой" был первый разговор с Захаровым, когда он меня спросил: "Ну, что вы придумали"? Я сказал: "Лошадь и Евгения Павловича". Он ответил: "Это, правда, не вы придумали". Но если говорить о декорациях, ими у меня были взаимоотношения лошади и Евгения Павловича, хотя звучит абсурдно. Все остальное пристраивалось к двум лицам. Они — одно целое, очень трогательные два животных.

Когда декорации уже стоят на сцене, вы помогаете артистам сориентироваться в них?

— Как я могу им помочь? Вообще, вопрос помощи очень сложен. Подозреваю, что если я правильно работаю в своей профессии, то жизнь человеческого духа и жизнь артиста начинается существовать в декорациях комфортно. Это моя функция, я не помогаю артистам, я работаю с персонажем. Есть пространство, где чувство может возникнуть, а есть — где оно может умереть; если я плохо сработал, артисту будет некомфортно и не возникнет персонаж. Для меня есть Евгений Павлович как личность, но она абсолютно совпадает с Тевье-молочником. Это одно существо. Евгения Павловича я не обслуживал, и чисто технически как артиста, как работника театра ставил его в ситуацию довольно трудную. Сейчас, когда прошло много времени, я подозреваю, что он ощущал себя комфортно. При любом дискомфорте он не давал повода усомниться в этом. Он всегда говорил, мягко и интеллигентно объяснял, что эта палочка ему здесь как-то не очень и лучше бы ее не было, а здесь эта палочка не дает ему точных ощущений. Здесь — совмещенная работа, только не напрямую, а опосредованно. Все равно есть дан-

ность — театр, наполненный идеями драматургическими, идеями современной сценографии, театральными служащими и — персонажами. В лучшем случае мы работаем вместе, вливаемся в материал и видоизменяемся в нем для создания нового явления под названием спектакль. Помощь — это молчаливое взаимопонимание друг друга.

С Евгением Павловичем контакт был идеален. Звезды, равные ему не требуют, не нуждаются в помощи, они очень оскорбляются помощи в бытовом ее понимании — он не убогий, не инвалид. Он уважает совместную работу. Личности такого уровня не капризны, они неприязнательны. Ты сам видишь, где ему плохо, где неуютно, где он пересиливает какие-то вещи. Ведь в этом пересиливании можно родить новую идею.

— Тяжело быть "подключенным" к таким великим индивидуалистам, как Леонов?

— Идеи возникают, когда ты наблюдаешь за артистом, подключаешься к нему. Я обычно работаю с индивидуальностью, с персонажем, а индивидуальность артист обычно демонстрирует, когда он сам с собой и ты за этим наблюдаешь. "Подключаться" к Леонову было наслаждением. Ты замечаешь такое, чего никогда не видел. Может быть, потом захочется отдохнуть, потому что это утомительно, но ведь и очень здорово питает. Когда, к примеру, на сцену выходит неталантливый человек, в зале возникает молчаливое раздражение. Потом появляется Евгений Павлович — и сразу все вдруг становится мягкими, добрыми. Объяснить свойства его личности и таланта нереально. С ним было хорошо. С ним можно было гулять по городу, что мы часто делали в поездках. Бродили молча — от этого можно получать больше удовольствия, чем от интересного собеседника. С ним было интересно помолчать — для меня это самая высокая категория отношений. Евгений Павлович был молчун — поскрипывал, покашливал... А что вы делали? Да неизвестно. Но ощущение — ух, мы классно провели вечер!

Ты получаешь колоссальное удовольствие, когда недалеко от тебя есть теплые люди, подобные Евгению Павловичу. Даже если они где-то стоят, курят — их тепло все равно привлекает. Быть в окружении талантливых людей — наивысшая степень удовольствия. Кстати, они никогда ничего не требуют. Поэтому хочется с ними трогательно обходиться и заботиться, но — незаметно.

— Может ли так случиться, что однажды вам будет не хватать образа Тевье в ваших эскизах к другим спектаклям?

— Постоянно. Эта ситуация существует и сейчас, его не хватает. Организм так устроен — даже если ты что-то придумываешь, все равно поневоле возникает кто-то, похожий на него. Потом ты начинаешь работать с другим артистом, раздражаешься на него, хотя он и не виноват. А ты раздражаешься потому,

что он не Евгений Павлович. Почему от него не исходит такой свет? Мы ведь потеряли уже многих людей, к которым очень тепло прикипели: уход Евгения Павловича Леонова, Татьяны Ивановны Пельтцер. Конечно, уход Горина. Они все время присутствуют рядом с нами и мы жутко раздражаемся на них самих, почему они нас оставили одних. Где вас носит? Нашли время умирать — рановато. Претензий предъявить некому, но — не хватает.

— Леонов когда-нибудь играл злодеев?

— Конечно. "Джентльмены удачи", где он играл уголовного, вы не помните? Очень убедительный злодей был, хотя и не пугал. Внешняя оболочка Евгения Павловича была гораздо слабее внутренней.

— То есть?

— В той же "Поминальной молитве" возникла проблема — поднять лошадь на четвертый этаж: как она отреагирует на падение досок, на фонари по глазам, не перебежит ли копытами всех артистов. Вот мы выводим ее на сцену, она в невероятных нервах, а Евгений Павлович стоит где-то в сторонке. Лошадь выходит на сцену и тут же, как в прицел, берет Евгения Павловича, они медленно идут друг другу навстречу, как будто бы дружили вечно. В итоге лошадь весь спектакль очень любовно следила за всеми его передвижениями по сцене, даже настороженно — как бы не ушел. Реагировала на его муки, радости. Ведь животные чувствуют форму профиля, а какие-то биотоки, что ли — лошадь сразу узнала, кто Тевье и кто таков Евгений Павлович. Лошадь доказала, что у нас на сцене необычное существо. У Захарова есть выражение, которое почти не расшифровывается, — "запах крупной рыбы". Она плывет и водоем становится другим.

— Мне хочется, чтобы вы немного повспомнили, хочется каких-то наблюдений, этюдов, если хотите.

— Гамбург. Многолюдный центр города. Громадное количество людей, заметить кого-либо невозможно. Я себе брожу по Гамбургу, поворачиваю голову, вижу Евгения Павловича, подхожу. Я его не искал в толпе — голова сама повернулась. Что делает Евгений Павлович — кашляет и кричит, больше ничего. Вот зарисовка. Глаз вырывает из толпы одного человека, который никакими телодвижениями внимания к себе не привлекает. Просто стоит, трубочка у него, он пытается ее прикурить и кашляет. Может быть, картинка не броская. Я говорю: "Зачем вы курите, вам нельзя, вы кашляете". Оказывается, он не мог раскурить трубку, задувая кашлем зажигалку. Этюд — человек пытается прикурить: не явный красавец, не в броской одежде, не пижон, нормальный человек из толпы. Но на нем останавливается взгляд, его не нужно искать, он сразу виден. Кстати, это был день, когда он в Гамбурге попытался умереть. Кашель потом перешел в инфаркт, но это уже другая история.

Он же был молчун. С ним не происхо-

дило веселых историй или приключений. Он был довольно тихий человек — кроме кряхтения и покашливания никакого шума не создавал. Но красок этого кряхтения был миллион и становилось абсолютно понятно, что он имел в виду. Потрясающий текст! Леонов не очень старался стать человеком света, способным блеснуть или выкидывать коленца. Наоборот, он хотел, чтобы его никто не трогал. Это разочаровывает? Нет? Нонсенс.

Вот еще смешная зарисовка про его любовь. В Юрмале мы жили в отеле "Майори". Гуляли там очень весело и не всегда были трезвы. А любовь Евгения Павловича и его собаки вызывала у нас много потехи. Однажды под утро мы возвращались в отель и представляли себе: сейчас, наверное, Евгений Павлович спит, собака тоже, давайте мы разыграем Евгения Павловича! Перед его окном был идеальный английский газон, какие тогда существовали только в Юрмале. И мы по-пластунски ползем к окну, садимся под него и начинаем гавкать — как отреагирует собака. Ну, глупые шутки не очень трезвых людей. Вдруг высывается голова Евгения Павловича и тоже начинает гавкать. В промежутках между этими звуками он говорит кому-то в комнате: "Спи, спи, я за тебя поплачу". Он проснулся и жутко перепугался, что какие-то собаки разбудят его пса, спящего в роскошном кресле — жуткого плебея. У него потом был бы перебит сон и он плохо бы себя чувствовал. Потом он серьезно дулся на нас пару дней за нелегитимную шутку. Адская любовь.

— Многие вспоминают, что спектакль "Поминальная молитва" в какой-то момент становился эмоционально невыносимым, настолько сильным было зрительское сопереживание. Самому Леонову это тяжело давалось?

— Конечно, тяжело. На грани драмы. Он же не играл, он жил. Тем более, что жил в вечном неудовлетворении. Он был переживающий человек и успокоить его было невозможно. Так случилось, что я увидел эту боль намного раньше, чем в спектакле. Мы ехали в поезде с гастролей, я вышел перекурить в тамбур и там уже стоял Евгений Павлович, тянул свою трубочку. Завязался разговор: в телевизионном спектакле Ульянов сыграл Тевье и у Леонова жуткое горе, потому что он всю жизнь безнадежно мечтал о роли Тевье, но эта тема была надолго запрещена. Нет алых парусов в жизни — и вдруг вот они, плывут, но не к тебе. Драмы его были тихие, мы до утра простояли на этой площадке, где он практически уже сыграл Тевье-молочника. Потом уже я понял, что стал очевидцем невероятных вещей, такого театра одного зрителя. Тогда я присутствовал при очень высоком градусе человеческой драмы. В итоге, после долгой трудной истории, спектакль состоялся.

Талантливые люди всегда недовольны собой, всегда необычны, всегда невыносимы. С Евгением Павловичем, как ни странно, было хорошо. Ответственно, но легко. "Выбирай слова, когда говоришь с таким артистом!" — да ничего подобного. С Леоновым можно было говорить спокойно, не лукавя, не заигрывая. Больше-го кайфа даже трудно себе представить. С ним был возможен самый классный творческий поиск. Он не спешил, как это часто бывает, устраивать сцены, что ему неудобно. Он пытался, делал, и ты сам потом видел, что ошибся, хотя он не издавал ни звука, будучи очень покорным, безропотным, покладистым человеком. Он был добр, он был терпим. Ему можно было говорить слова тихо, шепотом — он слышал.